МИРА ЛИОРСКАЯ

МОЁ ПРИДАНОЕ

ЧУЖОЕ ПРОКЛЯТИЕ

Мира Лиорская

Моё приданое. Чужое проклятие

«Автор»
2026

Лиорская М.

Моё приданое. Чужое проклятие / М. Лиорская — «Автор», 2026

Я вышла замуж, чтобы спасти мастерскую, и привезла мужу проклятие в приданое. На замке старого сундука — тот же знак, что проступает у него на груди. Кто-то изменил древний магический узор, и теперь у нас двенадцать дней, чтобы найти спрятанное условие. Мои инструменты могут помочь. Тайны мужа — погубить. А довериться человеку, который уже однажды умолчал о самом важном, труднее, чем распутать самый сложный шов.

© Лиорская М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Свадебное условие 6
Глава 2. Ночь и знак 18
Глава 3. Ключи от дома 32
Конец ознакомительного фрагмента. 43

Моё приданое. Чужое проклятие

Глава 1. Свадебное условие

В день моей свадьбы тётка велела убрать со стола чужой мешок.

— Карета будет через четверть часа, Лиана.

Я держала иглой последнюю петлю и не могла повернуться. Если отпустить сейчас, шёлк уйдёт под подкладку, а доставать его придётся с изнанки, куда я уже поставила заплату.

— Тогда у меня есть четверть часа.

— Ты сидишь в свадебном платье.

Это я и без неё знала. Жёсткий новый рукав тянул под мышкой, на коленях лежал старый передник, а в горловину платья забралась обрезанная нитка. Я не вытаскивала её: обе руки были заняты.

Мешок принадлежал пекарше с Рыбной улицы. В нём носили горячие булки, и всякий раз, когда хозяйка перекладывала их в корзину, пустая подкладка продолжала греть. К вечеру она делалась такой горячей, что к ней нельзя было притронуться. Подмастерье пекаря решил дело ножом: распорол проводящий шов. После этого нагрелась ручка.

— Он хотя бы спросил у тебя, что резать? — сказала стоявшая у окна Сильва.

— Нет. Зато ничего с меня не взял за свою работу.

Кузина фыркнула и подала мне плоскую деревянную косточку. Я подвела её под шёлк, вынула иглу и осторожно ослабила петлю. Ручка мешка остыла. Оставалось вернуть хозяйке право закрывать условие нагрева, которое незадачливый помощник зашил наглухо.

Агата Верес не считала чужие булки достойной причиной задержать мою свадьбу. Она стояла так близко, что край её дорожной накидки лёг на счётную книгу. Тётка носила чёрное не по трауру: на чёрном серебряная застёжка выглядела дороже.

— Это можно закончить завтра.

— Завтра я буду в Ольховом Долу. А госпожа Лест обещала заплатить сегодня.

— Твой будущий муж не позволит тебе нуждаться в мелких заработках.

Я провела иглу под последней поперечной нитью. Вот теперь можно было поднять голову.

— Будущий муж ещё не заплатил Вере за две недели. И Рута не получила денег на уголь.

— Я распорядилась всё внести в общую ведомость.

— Отдельная строка не согреет мастерскую.

Тётка убрала накидку с книги. На обложке остался светлый прямоугольник там, где прежде лежала жестяная коробочка с кассой. Коробочку она забрала во вторник, объяснив, что перед важным семейным событием расходы должны быть сосредоточены в одних руках. С тех пор я рассчитывалась собственными деньгами. Они почти кончились.

Вера и Рута работали в соседней комнате. Сквозь приоткрытую дверь слышалось, как стукнули друг о друга деревянные пяльцы. Потом стало тихо. Я не сомневалась, что они слышат нас; тётка тоже.

— Сильва, — сказала она, — помоги кузине привести себя в порядок.

— Я ей помогаю.

У Сильвы были ножницы в одной руке и тарелка с остывшим пирогом в другой. Она ела стоя, как всегда в дни, когда Агата распоряжалась домом с утра. Моя кузина умела высчитывать выход красителя из трёх смешанных чанов, но перед собственной матерью до сих пор прятала недоеденный кусок за спину.

Тётка оглядела нас и вышла. В передней заскрипел сундук, который грузчики пытались повернуть в слишком узкой двери.

Мы подождали, пока её шаги удалятся.

— Не надо было про Веру при ней, — сказала Сильва.

— А при ком?

Она поставила тарелку на подоконник.

— Я отдала Руте за уголь. Вчера. Не смотри так, из своих. За сверку красильных книг.

Я хотела сказать, что верну. Сильва щёлкнула ножницами возле моего рукава, и я вовремя закрыла рот.

— Лучше посмотри, ровно ли я отрезала воротник на зелёном платье, — попросила она. — Мать говорит, он меня делает похожей на торговку.

— Ты и есть торговка. Половину красильни держишь в голове.

— Только половину. Вторую мать хранит под ключом.

Мы улыбнулись друг другу, и на несколько секунд всё стало почти обычным. Мне хотелось остаться за этим столом, доесть её пирог, проверить воротник. Вечером прийти в пустую мастерскую и наконец дорисовать вывеску: белую птицу, несущую зелёную ленту. На старой птица походила на ощипанную курицу, но клиентам это нравилось. Они говорили, что курица честная: всякую прореху пережила.

На новом месте никакой вывески мне пока не обещали.

Я вывернула мешок, пригладила подкладку и потянула маленький язычок у горловины. Он раскрылся без сопротивления. Тепло ушло, остаток не пошёл в ручку. Ещё раз закрыла и раскрыла, уже с нагретым утюжком внутри. Правильно.

Сильва наблюдала внимательно.

— Отчего нельзя было просто вырезать весь шёлк?

— Он прошит через запасную петлю в ручке. Пока внутри остаётся вещь, за которую отвечает нагрев, оборванное условие ищет, куда перейти. Сначала надо закончить действие. Потом резать.

— И ради этого госпожа Лест платила?

— Ради того, чтобы её мальчик не обжигал ладони.

Я написала на квитанции: «Замена запора условия. Две марки». Снизу добавила, что мешок следует открывать за язычок, а не выворачивать. Вера заберёт деньги, одну марку возьмёт себе в счёт жалованья, вторую оставит в кассе. Этого хватит на три дня мелких расходов.

Сильва вынула из моих волос застрявшую нитку. Потом отступила и посмотрела на меня тем внимательным взглядом, которым оценивала крашеное полотно на свету.

— Ты похожа на себя, — сказала она.

Мне стало легче. Со вчерашнего вечера все уверяли, как я преобразилась, похорошела и стала достойна предстоящей чести. Я видела в зеркале привычные серые глаза, слишком туго убранные волосы и белую полоску ожога у большого пальца. Честь ничего с ними не сделала.

— Ты тоже можешь уехать, — сказала я.

Сильва покачала головой, но не сразу.

— Сначала хочу получить свой пай. За то, что уже сделала. Не обещание следующей весной.

Мы обе знали, какой будет следующая весна, если позволить Агате назначить её сроки.

Из передней донеслось раздражённое мужское покашливание. Сундук наконец прошёл в дверь.

— Я напишу, — сказала я.

— Пиши про всё. Даже если там скучно.

Она обняла меня осторожно, чтобы не помять платье, потом передумала и прижала по-настоящему. Её нос упёрся мне в висок. Я держала её за плечи и думала о том, как мало у меня вещей, которые можно увезти, не попросив ничьей подписи.

* * *

Свадебный сундук стоял на телеге под навесом. Его обернули парусиной, но нижний угол торчал наружу: тёмное дерево, широкий железный обруч, одна ножка заметно короче остальных. В доме его держали в сухой кладовой. Я помнила, как в детстве пыталась просунуть

под крышку лезвие столового ножа. Мать забрала нож, но не рассердилась; сказала только, что старые замки иногда держат вовсе не то, что кажется.

Мать умерла одиннадцать лет назад. Теперь спросить, что она имела в виду, было не у кого.

Возчик прижал парусину коленом и затянул ремень.

— На боку повезёте? — спросила я.

— Мне велели.

— Кто?

Он кивнул в сторону ворот. Там, возле нашей кареты, стоял Матвей Сорн.

Распорядитель тётки уже застегнул дорожные перчатки. Широкое гладкое лицо, коротко остриженная седина, чистые сапоги. Я никогда не видела его с испачканными пальцами, хотя он охотно объяснял мастерам, почему их работа стоит меньше назначенного.

— Дно ослаблено, — сказал он, подходя. — Так безопаснее.

Я посмотрела на сундук. Поперёк досок дна шли две сравнительно новые дубовые планки. На боку тяжёлая крышка давила бы на петли всю дорогу.

— Поставьте прямо. Под короткую ножку подложите щепу. И ремень через обручи, не через крышку.

Возчик не пошевелился.

Сорн улыбнулся одними губами.

— Сегодня вам незачем думать о хозяйственных мелочах.

— Тогда не стоит поручать мне подписание описи.

Улыбка сохранилась. Он вынул из внутреннего кармана сложенный лист.

— Именно это я хотел с вами обсудить. Перечень проверен госпожой Верес.

Я сняла перчатку и взяла документ. Бумага была плотная, с водяным знаком палаты; чернила совершенно сухие. Крупно перечислялись бельё, две накидки, сервиз на четыре прибора и сундук «с принадлежностями». Следом шла строка, которой я прежде не видела: «Ремесленные орудия и принадлежащие невесте образцы составляют неотделимую часть дара».

Я прочла её второй раз.

— Это убрать.

— Обычная формулировка.

— Мои иглы не дар.

— Конечно. Они переходят вместе с вами.

— Куда я поеду, решено. Кому будут принадлежать иглы, тоже. Мне.

Возчик выпрямился и потёр поясницу. У него были очень красные руки. На правой перчатке не хватало двух пальцев; ногти темнели от древесной смолы.

— Глеб, — сказал Сорн, не поворачиваясь, — оставьте нас.

Я запомнила имя. Возчик отошёл к лошади, но ремень так и не затянул.

— Вам предоставлены исключительно выгодные условия, Лиана, — продолжил Сорн. — Не следует создавать затруднения из-за коробки иголок.

За год до свадьбы этот человек просил меня подписать акт на церемониальное покрывало, которое я не осматривала. Покрывало существовало, возможно, даже было цело, но я не могла этого знать. Я отказала. С тех пор он произносил моё имя с мягкой терпеливостью, предназначенной для непонятливых детей.

— Кроме коробки, там лекала матери, три свидетельных образца и набор Норы Кель. Вы их оценили?

— Речь не об оценке.

— Именно. Вы включили в дар вещи, которыми не вправе распоряжаться. Приготовьте чистую опись.

Я вернула лист, но он не взял.

Из дома вышла тётка. По тому, как она остановилась на верхней ступеньке, я поняла: часть разговора она слышала.

— Мы опаздываем.

— В описи ошибка.

— Исправим у поверенного.

— Тогда я заберу свой ящик в карету.

Агата посмотрела на Сорна. Между ними не было ни кивка, ни слова, но он наконец принял бумагу.

— Разумеется, — произнёс он.

Ящик стоял у ног возчика. Деревянный, с двумя медными защёлками, он весил больше, чем позволяли тонкие свадебные рукава. Я нагнулась неловко. Сильва, вышедшая вслед за матерью, подхватила вторую ручку, и вдвоём мы донесли его до кареты.

Пока я устраивалась, она сунула мне свёрток.

— Пирог. Не съешь — обижусь.

Тётка села напротив. Сильва осталась на ступеньке; ехать с нами ей не разрешили, поскольку кто-то должен был принять шерсть для красильни. Она поправила на мне накидку и быстро, почти беззвучно сказала:

— У нового подкладочного полотна кромка серая.

— Какого?

— В сундуке. Я выбирала два года назад. Ты потом посмотри.

Агата стукнула костяшкой по раме. Сильва отступила.

Карета тронулась прежде, чем я успела спросить, зачем меняли подкладку в сундуке, который никому не позволяли открывать.

За окном возчик разворачивал телегу. Сундук стоял прямо. Это было маленькой победой, слишком маленькой для дня, в который мне предстояло отдать своё имя незнакомому человеку.

* * *

Дарена Ровеля я узнала по тому, что он сидел.

Остальные поднялись, когда мы вошли в регистрационную комнату: поверенный у стола, служитель возле жаровни, двое свидетелей. Человек у окна опёрся ладонью на подлокотник и встал с небольшой задержкой. В этом движении не было светской небрежности. Он рассчитал усилие прежде, чем сделал его.

Мне прежде говорили, что Ровель высок, богат и дурного нрава. Высоким он оказался. О богатстве судить по чёрному сюртуку было трудно: у левого манжета лоснился сгиб, который аккуратно прошлись щёткой. Нрав предстояло узнать.

— Госпожа Верес, — сказал он.

Я чуть поклонилась. Он смотрел прямо, без той утешительной улыбки, которую я с утра видела на каждом лице. Под неровной левой бровью залегла тонкая белая черта. Дарен был бледен; возле губ кожа казалась сероватой, как полотно после слишком крепкого щёлока.

— Мы ещё не подписали договор, — сказала я.

— Я знаю.

— Мне нужно уточнить две вещи.

Тётка коснулась моего локтя.

— Все условия согласованы.

Дарен перевёл взгляд на её руку, потом снова на меня.

— Какие?

Поверенный придвинул стул. Узкие плечи, рыжеватая борода, стопка бумаг, разложенных ровно по краю промокательной кожи. Он представился Тереном Валем и спросил, кто из присутствующих действует от моего имени.

— Я, — ответила я.

— Тогда садитесь. Разговор выйдет длиннее, если все будут стоять.

Мне это понравилось больше, чем утренние пожелания счастья.

Сорн положил перед ним опись. Я указала спорную строку. Терен прочёл, придвинул к себе брачный договор и нашёл нужный лист.

— По договору личные орудия ремесла остаются вашей собственностью, — сказал он. — По описи они включены в безусловный дар. Одновременно заверить оба положения я не могу.

— Переписчик перенёс общую форму, — заметил Сорн.

Терен посмотрел на него поверх листа.

— Тогда перепишем.

— Достаточно вычеркнуть, — сказала Агата.

— Достаточно, если стороны подпишут исправление. Но госпожа Верес вправе потребовать чистый экземпляр.

Я потребовала.

Сорн отошёл к дополнительному столику. Его перчатки лежали возле чернильницы, пальцы были голыми, короткими и неожиданно розовыми. Я следила, как он переписывает строку. Тётка следила за мной.

Дарен стоял у окна. Дневной свет делал его лицо ещё бледнее. Когда служитель предложил вина, он отказался.

— Второе условие? — спросил он.

— Долг мастерской. Я хочу увидеть подтверждение платежа, не обязательство заплатить позднее.

Тётка сделала короткий вдох, словно я подняла подол на рыночной площади.

Дарен вынул из кожаной папки расписку и передал поверенному. Терен проверил печать, дату и подпись, затем подвинул лист ко мне.

Триста шестьдесят марок. Полное погашение залога на помещение мастерской и семейное оборудование. Деньги приняты утром, третьего листопада. Нижняя строка подтверждала, что кредитор не сохраняет требований к исполнителям работ. Я прочла её вслух.

— Это означает, что Вера и Рута не будут отвечать своими заработками? — спросила я.

— Именно это, — сказал Терен.

— А при расторжении брака?

Агата отодвинула свой стул.

— Лиана.

Дарен заговорил одновременно с ней:

— Платёж не возвращается.

Я посмотрела на него.

— Мне нужно, чтобы это было в договоре.

— Оно там есть. Третья страница.

Я нашла. Он оказался прав.

Деньги уже были отданы, но подписи я ещё не поставила. На миг возникло нелепое, пугающее желание подняться и уйти. Не потому, что я собиралась обмануть его; от самой возможности выбора, сохранившейся там, где я её не ждала.

— Если я откажусь сейчас?

Служитель возле жаровни опустил глаза. Терен сложил руки поверх документов и ничего не сказал.

Дарен ответил после паузы:

— Тогда я буду разбираться с кредитором. Вас силой не повезут.

— Очень щедро, — сказала тётка, прежде чем я успела заговорить.

В её голосе было предостережение, обращённое ко мне. Я представила мастерскую после нашего возвращения. Долг, от которого мы почти избавились, снова сделается предметом спора. Агата назовёт моим капризом всё: выплату работницам, сохранение оборудования, даже уголь. Я могла уехать одна. В Мерене находились мастера, готовые взять меня на работу; в другом городе мне пришлось бы начать с дешёвой починки. Я умела жить скромно. Но бросить дело матери в руки людей, для которых каждый её образец был строкой распродажи, мне пока не удавалось даже в воображении.

И всё-таки это была моя причина. Ни тётка, ни человек у окна не вложили её мне в голову.

— Я не отказываюсь, — сказала я. — Я проверяю, на что соглашаюсь.

Дарен кивнул. Очень медленно, будто быстрый кивок мог вызвать боль.

Сорн вернулся с чистой описью. Личные инструменты в ней больше не упоминались. Остался сундук с принадлежностями.

— Что внутри? — спросила я.

— Семейные свадебные ткани, — ответила Агата. — Ты видела перечень.

— Перечень я вижу сейчас. Там нет названий тканей.

Терен протянул руку за описью, но тётка удержала её у себя.

— Два покрывала, три полотенца, пояс. Старые вещи. Сундук передаётся закрытым по семейному установлению.

— Ключ?

Она достала из сумочки длинный плоский ключ. Бородка была стёрта; у основания виднелась насечка в виде сломанного лепестка. Ключ положили передо мной. Я не взяла его сразу.

— Почему обязательна именно эта вещь?

На этот раз ответил Дарен:

— Потому что таково условие моего предложения.

Я ждала продолжения. Его не последовало.

— Вам нужны свадебные полотенца?

— Мне нужен сундук.

Он не попытался сделать ответ приятнее. Это почти внушало доверие — и потому раздражало ещё сильнее.

— А мне нужен отдельный перечень того, что я передаю.

Терен взял чистый лист.

— Можно зарегистрировать закрытый носитель без утверждения о его содержимом. Внешнее состояние, размеры, число замков, принадлежность. Это будет точнее.

— Сделайте, — сказал Дарен.

Сорн промокнул ладонью лоб, хотя в комнате было прохладно.

Нас проводили в нижнюю приёмную, куда уже внесли сундук. Служитель убрал парусину. На крышке лежали восьмилепестковые розетки из железа, но у розетки на запоре нижний лепесток был вывернут и пересечён косой чертой. Узор не нравился мне своей нарочитой несимметричностью. Мастер ошибся бы иначе: повторил неверный угол и дальше. Здесь семь элементов держали порядок, восьмой ломал его.

Я присела, чтобы рассмотреть петлю.

— Не открывайте, — сказал Дарен.

Я подняла голову. Он стоял слишком близко для человека, которому всё равно, что внутри.

— Мы же составляем опись.

— Наружную.

— Я услышала поверенного.

Он отступил на полшага.

Я вынула из кармана платья маленькую лупу. Её пришлось переложить туда из передника, когда мы выходили из дома; теперь я порадовалась предусмотрительности. Под железной накладкой лежала тонкая тёмная ткань. У края торчала свежая светлая нитка. В щель между деревом и замком проступала серая кромка, о которой говорила Сильва.

Два года — достаточный срок, чтобы белая нить загрязнилась. Но у самой головки нижнего гвоздя она оставалась чистой, почти блестящей.

— Здесь недавно работали, — сказала я.

— Перед дорогой укрепили запор, — отозвался Сорн.

— Кто?

— Плотник.

У меня был ещё вопрос, но Дарен вдруг положил руку на крышку. Не опёрся всем весом: только коснулся пальцами, затем убрал. Мышца у его рта дёрнулась.

Терен записал свежую нить и укреплённый запор как особенности внешнего состояния. Я попросила внести также короткую ножку и две планки под дном. Сорн посмотрел на часы.

— Мы можем начинать? — спросил он.

— Теперь можем, — ответил поверенный.

* * *

В регистрационной комнате часы отбили два, когда я приняла ключ.

К тому времени имя своё я произнесла, условия выслушала и подпись поставила. Дарен сделал то же самое. Свидетельная тесьма лежала на столе между двумя листами; серебряные стежки в ней потемнели по очереди, сперва возле моей подписи, затем возле его. Ничего не вспыхнуло. У меня не остановилось сердце, не возникло необыкновенной любви к стоявшему напротив мужчине. Он оставался почти незнакомым человеком, который выкупил долг мастерской и хотел получить старый сундук.

Терен уточнил:

— Вы принимаете перечисленное имущество и закрытый семейный носитель на основании отдельной описи?

— Принимаю, — сказала я.

Дарен подписал передачу в дом Ровелей. Ключ лёг мне в ладонь.

Металл был тёплым.

Я едва не уронила его, настолько не подходило это тепло холодной комнате. Агата улыбнулась впервые за день и накрыла мою руку своей.

— Храни как следует.

Под её пальцами я ничего не могла проверить. Когда она отпустила меня, ключ уже остыл.

Нам налили вина. Кто-то сказал, что осенний брак крепче весеннего. Я отпила, потому что губы пересохли, и тут же пожалела: сладость пристала к нёбу. Дарен свой бокал поставил на подоконник почти полным.

Поздравления заняли больше времени, чем сама церемония. Тётка перечисляла достоинства нашего рода, словно поздно обнаружила пропуск в описи. Сорн говорил о сохранении добрых обязательств. Терен сложил документы в две папки и, прежде чем отдать мою, отдельно показал страницу о личном имуществе.

— Этот экземпляр храните у себя, — сказал он. — Не в общем архиве до того, как прочтёте ещё раз.

— Вы ожидаете ошибки?

— Я ожидаю, что человек после свадьбы устал.

Это было так бесспорно, что я поблагодарила.

Агата обняла меня при свидетелях. Застёжка её накидки больно упёрлась мне под ключицу.

— Будь разумной, — прошептала она. — Для тебя сделано очень много.

Я не ответила. Она отстранилась и поправила мой воротник, будто отсутствие ответа можно было списать на складку ткани.

Сорн провожал нас до кареты. Возчик Глеб уже сидел на телеге; сундук закрепили прямо, короткую ножку подперли деревянным клином. Я проверила это из дверей.

— Семейные вещи требуют осторожности, — сказал распорядитель Дарену. — Вы получили всё, о чём мы условились.

Дарен смотрел на него молча. Потом протянул мне руку, помогая сесть.

Через перчатку его пальцы ощущались холодными и сухими. Он держал крепко, но отпустил, едва я встала на ступеньку. Я поставила ящик с инструментами на свободное сиденье. Дарен сел напротив, и дверь закрылась.

Мы наконец остались без людей, знавших, как нам следует себя вести.

Некоторое время я смотрела в окно. Мерен проезжал мимо: лавка с зелёными ставнями, мост, вывеска пекарни госпожи Лест. Возле неё стоял мальчик с пустой корзиной. Хотелось остановить карету и сказать, что мешок готов, можно больше не обжигаться. Но на этот раз я оставила заказ Вере.

У последнего ряда домов Дарен снял перчатки.

— Вы можете переодеться, когда приедем, — сказал он. — Ужинать с гостями не придётся. Гостей не будет.

— Хорошо.

— Ваша комната рядом с моей. Если захотите другую, Эльза покажет свободные.

Я повернулась к нему.

— Отдельная комната?

— Да.

Должно быть, я слишком долго молчала, потому что он добавил:

— Мне удобнее, когда ночью никто не ходит через спальню.

Это было не то объяснение, которое я ожидала, но спорить с ним не хотелось.

— Мне тоже, — сказала я.

На неровности карету качнуло. Он перехватил ремень слева, сжал его так, что побелели костяшки. Я заметила дрожь в мизинце. Дарен заметил мой взгляд и положил руку на колено.

— Вы больны?

— Дорогу переношу плохо.

— Мы ещё на мостовой.

— Она здесь не лучшая.

Я могла бы продолжить, но сама зажала ладонью живот: с утра съела только кусочек хлеба, а вино напомнило об этом. Вынула свёрток Сильвы, развернула. Пирог слегка помялся. Капустный, с чёрным перцем, который тётка запрещала класть в семейную еду, потому что от него краснел нос.

— Хотите?

Дарен посмотрел на пирог с таким удивлением, словно я достала из сумочки живую птицу.

— Нет, благодарю.

Я отломила половину и съела. Старалась не крошить на платье; всё равно накрошила. Потом завернула остаток.

Через несколько минут он спросил:

— Что вы сегодня чинили?

— Откуда вы знаете?

— На манжете нитка. Вы её дважды пытались снять, пока говорили с поверенным.

Я посмотрела на рукав. Нитка была красная, с нагревной подкладки.

— Мешок пекарши. Там неверно закрыли условие.

— Это опасно?

— Для рук — да.

— Его можно было уничтожить?

Вопрос показался странным. Мешок стоил шесть марок; починка — две. Даже богач мог понять разницу.

— Сначала вынуть содержимое и прекратить действие. Потом делайте что хотите. Если рвать работающий шов, нагрузка уйдёт в запасную петлю.

— Всегда есть запасная?

— Не всегда. Нужно смотреть.

Дарен отвернулся к окну.

— Понятно.

Я вспомнила его пальцы на сундуке.

— Вас интересует запор?

— Меня интересует, устанете ли вы с дороги.

— Уже устала. От того, что мне отвечают на другой вопрос.

Он принял это без видимого раздражения. Долго рассматривал собственную левую руку, потом сказал:

— Сегодня я не готов обсуждать семейные вещи.

— Тогда не спрашивайте о моём ремесле, если ответы вам нужны для них.

Карета съехала с мостовой. Теперь у него действительно появилась причина держаться за ремень. До Ольхового Дола оставалось почти пять часов, и первые полчаса мы ехали молча.

Позже пошёл дождь. Вода собиралась в углу стекла, дрожала и стекала на деревянную рамку. Дарен подтянул лежавший на соседнем сиденье плед и протянул мне. Я взяла. Под пледом можно было незаметно расстегнуть туфли; это примирило меня с путешествием лучше любого учтивого разговора.

На почтовой остановке он вышел первым. Я видела, как он говорил с кучером, показал на левое колесо и достал деньги. Пока меняли ослабший крепёж, Дарен стоял под навесом. Один раз согнулся, упершись ладонью в столб. Я уже положила руку на дверную защёлку, но он выпрямился и отошёл к лошадям.

Когда вернулся, от его сюртука пахло дождём.

— Почему вы не сядете? — спросила я. — Здесь сухо.

— Уже сажусь.

Я подала ему завёрнутую половину пирога.

— Это не лекарство. Можно взять без объяснений.

На этот раз он взял. Ел маленькими кусками, осторожно, и перец заставил его один раз закрыть глаза. Я сделала вид, что рассматриваю дорогу.

* * *

В Ольховом Долу никто не выбежал встречать нас с цветами.

У крыльца стояла женщина с фонарём. За её спиной юноша в закатанном фартуке придерживал дверь плечом. В свете фонаря дождь казался густым, почти белым. Дом уходил в темноту двумя крыльями; в восточном светилось одно окно, в западном — три.

— На мосту снова размыло, — сказала женщина Дарену вместо приветствия. — Завтра надо отправить двоих. Не Глеба, у него тяжёлый воз.

— Ивена предупредили?

— Он на мельнице. Записку получит утром.

Дарен кивнул и представил нас. Эльза Нер, управляющая домом. Рука у неё была тёплая, с крепкими сухими пальцами; она пожала мою без поклона.

— Горячая вода наверху. Поесть можете в комнате или в малой гостиной. Что прикажете сделать с багажом?

— Ящик с инструментами в мою комнату. Сундук тоже.

— Сундук в северную кладовую, — сказал Дарен.

Эльза не сдвинулась с места. Посмотрела сперва на него, затем на меня. Мне пришлось решать, станет ли первое слово в новом доме спором при прислуге.

— В описи он передан со мной, — сказала я.

— Его нельзя держать в спальне.

— Почему?

— Там сырое дерево. И тяжёлые обручи. Носильщики повредят лестницу.

За нашими спинами двое мужчин уже снимали сундук с телеги. Один поскользнулся, выругался сквозь зубы и сразу извинился передо мной. Я отошла, освобождая проход.

— Пока поставьте здесь, — сказала Эльза. — На рогожу. С телеги течёт.

Сундук опустили возле стены. Короткая ножка не коснулась пола; крышка едва заметно качнулась. Я узнала бы этот звук в полной темноте.

Дарен передал управляющей свою мокрую накидку.

— Я займусь им позже.

Он произнёс это так, что я перестала смотреть на лестницу.

— Что значит «займусь»?

— Проверю место хранения.

Эльза велела юноше заняться мокрыми ремнями. Никто не делал вид, будто не слышит нас, и от этого было легче: по крайней мере, здесь не улыбались во время неприятного разговора.

— У меня ключ, — сказала я.

— Оставьте у себя.

— И без меня сундук не откроют?

Дарен помедлил.

— Без вас его не откроют.

Я поверила точности слов, но не их полноте.

Наверх меня проводила Эльза. Лестница была широкая, крепкая, с истёртым средним пролётом. Два человека со свадебным сундуком прошли бы свободно, не задев перил. Я ничего не сказала. Управляющая остановилась перед дверью и повернула ручку.

В комнате горел камин. На столе стояли миска, кувшин и лампа. Низкая кровать под серым покрывалом, два стула, высокий шкаф. Возле окна приткнулся маленький письменный столик, слишком узкий для пялец, но достаточно светлый утром. Я сразу подумала, куда поставить рабочую доску, и рассердилась на себя: ещё не успела снять свадебное платье, а уже искала, чем заслужить место.

— Здесь никто не живёт? — спросила я.

— С весны. Бельё свежее. Из окна дует справа, я положила валик.

— Благодарю.

Эльза показала дверь в малую гостиную.

— Через неё можно пройти к господину Ровелю. Другая дверь у него выходит в коридор. Вашу можете запирать. Ключ внутри.

Я взглянула на замок.

— Он не возражает?

— Он попросил проверить, исправен ли.

Она сказала это буднично, без попытки примирить меня с мужем. Потом спросила, что принести к ужину. Я попросила хлеба и бульона. Управляющая кивнула, но прежде чем уйти, заметила:

— Если понадобится переставлять мебель, скажите мне. Не зовите людей ночью. С пяти утра работают.

— Не буду.

— Хорошо.

Я осталась одна.

Платье расстёгивалось сбоку. Я справилась не сразу: пальцы плохо слушались, хотя в комнате было тепло. Сняла серьги, положила рядом с ключом от сундука. На коже под левой ключицей остался красный след от тёткиной застёжки. Я потёрла его и только тогда поняла, как устала.

Пока мылась, в дверь постучали. Принесли еду и ящик. Я проверила обе защёлки, открыла крышку. Иглы лежали на месте, косточки тоже; бумажный свёрток с материнскими образцами был сух. Вера вложила под него мою незавершённую вывеску. Белая птица с зелёной лентой смотрела вбок и выглядела возмущённой переездом.

Я прислонила рисунок к лампе.

Бульон оказался солоноватым, хлеб ещё тёплым. За стеной долго было тихо. Затем я услышала шаги в малой гостиной и короткий стук.

— Можно? — спросил Дарен.

Я успела надеть обычное шерстяное платье и заплести волосы. Открыла дверь.

Он сменил сюртук на домашнюю куртку. Без жёсткого воротника выглядел моложе, но усталость стала заметнее. Правую руку держал у груди, словно поправлял застёжку, хотя застёжка была ниже.

— Всё необходимое есть?

— На сегодня — да.

Он посмотрел на ящик, открытый на столе. Потом на птицу.

— Это ваша работа?

— Вывеска. Неудачная.

— Она смотрит так, будто ей должны денег.

Я не удержалась от улыбки.

— Ей должны.

Дарен тоже едва улыбнулся, и на мгновение мне стало любопытно, каким он бывает без боли и людей, ожидающих распоряжений. Но улыбка быстро исчезла.

— Завтра поговорим о комнате для работы. Сегодня отдыхайте.

— Где сундук?

— Внизу.

— Вы обещали не открывать его без меня.

— Я помню.

— А трогать запор?

Он опустил руку с груди.

— Лиана, не занимайтесь им сегодня. Прошу вас.

Впервые он произнёс моё имя без фамилии и без свидетельств. Просьба прозвучала убедительнее приказа, который я ожидала. Но после целого дня недоговорённостей мне было трудно принять ещё одну.

— Вы знаете, что с ним не так?

Дарен посмотрел мимо меня, на свет лампы.

— Достаточно, чтобы не хотеть вашей работы с ним.

— А своей?

— Спокойной ночи.

Он ушёл прежде, чем я нашла ответ, который не превратил бы разговор в ссору. Я закрыла дверь, но не заперла.

Сидеть за ужином больше не хотелось. Я убрала хлеб под салфетку, вынула из ящика лупу и положила рядом с ключом. На серебристой бородке проступала тёмная насечка. Ломаный лепесток. Такой же был на запоре.

Внизу заговорили мужчины. Слов я не разобрала; услышала только, как по каменному полу протащили что-то тяжёлое.

Потом щёлкнуло железо.

Я взяла лампу.

Глава 2. Ночь и знак

На лестнице лампа погасла.

Я остановилась, прижавшись плечом к перилам. Сквозняк шёл из нижнего коридора; там горел свет, и на последней ступени лежала длинная тень человека. Я увидела её прежде, чем услышала голос.

— Осторожнее с обручем. Оставьте здесь.

Дарен.

Ему ответили тихо, потом шаги удалились к служебному выходу. Я спустилась, придерживая подол, чтобы не наступить на него в темноте. Пустая лампа мешала; я поставила её на широкий край перил у последней ступени.

Внизу пахло нагретым железом.

Дверь кабинета была открыта. Между столом и камином стоял сундук. С него сняли парусину; на полу темнела вода. Перед очагом лежали длинные щипцы и кожаные рукавицы. Дарен склонился над крышкой, удерживая в левой руке металлический стержень. Конец стержня был красным.

Он ещё не коснулся замка.

— Положите это, — сказала я.

Дарен повернулся. Быстро, резко, совсем не так, как поднимался в регистрационной комнате. Стержень качнулся, красная точка прошла над крышкой.

— Выйдите.

— Положите на камень.

Он сделал шаг ко мне, и я отступила за порог. Жаром от металла обдало лицо.

— Не подходите к сундуку.

— Тогда уберите от него раскалённое железо.

Мы смотрели друг на друга. Я стояла с пустыми руками. Он держал стержень так крепко, что костяшки побелели, и дышал через рот. Можно было решить, что он сердится на меня. Но его правая рука судорожно сжимала куртку у груди.

Дарен положил стержень на каменную плиту.

Я тут же прошла к сундуку, держась подальше от очага. У нижнего лепестка запора темнело пятно. Дерево ещё не обуглилось, зато из щели между накладкой и крышкой тянулась тонкая нитка дыма.

— Вы уже грели его?

— Один раз.

Я присела и подула сбоку, не на саму щель. Дым исчез, потом появился снова.

На столе стоял кувшин. Я потянулась было к нему, но остановилась. Вода могла провести остаток жара глубже под железо. Мне нужно было снять тепло снаружи, не залив неизвестную ткань.

— Есть чистая сухая тряпка?

— Лиана, я сказал…

— Здесь тлеет нить. Если вы хотите, чтобы я отошла, сначала погасите её без воды.

Он посмотрел на замок. Движение стоило ему усилия: голова повернулась, плечи остались неподвижными.

На столе лежала льняная салфетка. Я сложила её вчетверо, взяла щипцы и прижала ткань к щели, перекрыв воздух. Считала про себя. На десятой доле из-под полотна пахнуло горячей пылью, на двадцатой запах ослаб.

Дарен упёрся рукой в край стола.

— Отойдите от меня, — сказал он.

Я подняла голову.

Он смотрел уже не на сундук. На его шее под расстёгнутым воротом проступила тёмная полоска. Она уходила под рубашку и пульсировала не в лад дыханию, а реже, с мучительными промежутками. Дарен попытался вдохнуть и не смог закончить вдох.

Я оставила щипцы на накладке.

— Сядьте.

Он сделал движение к креслу, но нога подогнулась. Я успела подставить плечо. Он был тяжелее, чем я ожидала, и мы оба ударились о подлокотник. Боль отозвалась у меня в боку. Дарен удержался за спинку, чтобы не придавить меня, и опустился на сиденье.

— Эльзу, — выговорил он.

Я крикнула в коридор. Сначала никто не ответил. Потом хлопнула дверь, послышались быстрые шаги.

— Не поднимайтесь, — сказала я Дарену.

Он, кажется, и не собирался. Пальцы шарили по застёжкам у горла, никак не могли ухватить петлю. Я присела рядом.

— Можно расстегнуть?

Он кивнул.

Я сняла с его пальцев натянутую ткань и освободила ворот. Под рубашкой на груди был знак.

В первый миг я решила, что это ожог. Неровный тёмный круг, расходящиеся петли, припухшая кожа. Потом различила восемь лепестков. Семь правильных, восьмой с косой чертой.

Я обернулась к сундуку.

Тот же рисунок. Только на железе он лежал плоско, а здесь менялся при каждом тяжёлом вдохе.

Эльза вошла с маленьким футляром в руках. Увидела Дарена, сундук, щипцы и ничего не спросила.

— Ворот свободен? Под спину подушку. Не кладите его.

Я взяла подушку с соседнего кресла. Управляющая открыла футляр, достала пузырёк и отмерила капли в ложку. Дарен проглотил их со второй попытки. Эльза держала ему запястье, глядя на часы над камином.

Мне хотелось спросить всё сразу: что за лекарство, как давно это происходит, почему его вообще отправили жениться. Я удержалась. Для вопросов он должен был хотя бы начать дышать.

— Окно открыть? — спросила я.

— Немного. Не настежь.

Я отодвинула задвижку. В комнату вошёл холодный мокрый воздух. Пламя в камине легло в сторону. Щипцы всё ещё удерживали салфетку на замке; я проверила её краешек. Ткань остыла, дым больше не шёл.

Когда я обернулась, Дарен смотрел на меня. Лицо было влажным, губы почти бесцветными. Он заметил мой взгляд на своей груди и попытался свести края рубашки.

Я отвела глаза.

— Не застёгивайте пока, — сказала Эльза. — Дайте каплям подействовать.

— Я не…

Он не договорил. Управляющая чуть сильнее сжала его руку, и он умолк.

Я подняла с пола кожаную рукавицу. На ладонной части было старое прожжённое пятно, снаружи — свежее. Значит, он намеревался работать с огнём достаточно долго. Не случайно подошёл проверить железо.

Сундук привезли к камину специально.

* * *

Через некоторое время Дарен смог пить. Эльза держала чашку до тех пор, пока не убедилась, что пальцы у него больше не дрожат так сильно, потом передала её ему.

Я сидела на краю второго кресла. Бок, которым ударилась о подлокотник, ныл, но двигаться можно было. Щипцы уже убрала на камень; салфетка лежала рядом, с коричневой полосой от железа. Вода в кувшине осталась нетронутой.

— Позвать лекаря? — спросила я.

— До утра не доберётся, — ответила Эльза. — В Посаде его нет, уехал к роженице за мельницу. Можно послать, но через размытый мост ночью не пустят лошадь.

— Пошлите пешего до мельницы, — сказал Дарен. — Оттуда дорога выше.

Эльза кивнула.

— Вызвать его стоит, — добавил он, обращаясь уже ко мне. — Только этого он не снимет.

Он коснулся рубашки возле знака.

— Вы уверены?

— Он лечит меня восемь месяцев.

Восемь месяцев. За это время можно было написать письмо, задать вопрос мастеру, хотя бы сообщить женщине, на которой собираешься жениться, что свадебная ночь пройдёт у кресла с лекарством.

Я посмотрела на Эльзу.

— Вы знали, зачем ему сундук?

— Я знала, что его привезут. И что господин Ровель ждёт от него пользы.

— Вы видели знак раньше?

— Да.

Она не стала спрашивать, какой. Это сберегло нам время и окончательно лишило меня надежды, что я неправильно поняла увиденное.

Дарен поставил чашку на столик. Дно стукнуло о дерево.

— Эльза, отправьте человека. Потом отдыхайте.

Управляющая закрыла пузырёк.

— Через час вернусь. Если опять начнётся, звоните сразу. Капли без меня не повторять: лекарь оставил промежуток.

Я кивнула, он тоже. Она забрала футляр, но пузырёк поставила на верхнюю полку, вне случайной досягаемости. Перед уходом посмотрела на стержень возле огня.

— Это убрать?

— Да, — сказала я.

Дарен не возразил.

Эльза взяла стержень щипцами, положила на железный поднос и вынесла. Я слушала её шаги, пока они не стихли. Только после этого повернулась к мужу.

— Теперь расскажите.

— Вы могли пострадать.

— Я это уже поняла. Рассказать нужно то, чего я не знаю.

Он провёл ладонью по лицу. В свете камина я видела, как дрожит большой палец. Ему было больно и, возможно, стыдно. Одно не мешало другому; ни то ни другое не давало ему права решать, сколько правды я выдержу.

— У моего отца был такой же знак, — сказал Дарен. — Перед смертью.

Я не нашла ответа сразу.

— Когда он умер?

— Два года назад. Знак появился поздно. Я думал, это след болезни. Мой появился восемь месяцев назад, после того как я принял управление.

— Вы показывали его кому-то, кроме лекаря?

— Двум мастерам. Один сказал, что это наследственное поражение. Другой не стал давать заключение без носителя.

— Второй был разумнее. Как вы нашли сундук?

Дарен посмотрел на собственные ладони. На левой от ремня кареты осталась красная полоса.

— В бумагах отца было изображение запора. Я запросил сведения через поверенного. Мне сообщили, что носитель находится у Вересов и может быть передан при браке.

— Кто сообщил?

Он не ответил сразу. Я ждала.

— Сорн.

В кабинете стало слышно, как дождь бьёт в приоткрытое окно. Я встала и прикрыла его, оставив узкую щель. Хотелось сделать хоть что-нибудь такое, в чём причина и действие оставались простыми: холодно — закрыть, темно — зажечь.

— И он сказал вам нагреть замок?

— Он передал заключение.

— Покажите.

— Оно в папке на столе.

Я нашла папку. Внутри лежали рисунок розетки и короткий лист с печатью. Слова были подобраны уверенно: «отживший носитель», «остаточное сцепление», «устранение посредством разрушения замыкающей части». Ни схемы внутренней ткани, ни описания пробы, ни перечня возможных запасных ветвей.

— Здесь есть имя мастера, — сказала я. — Вы с ним говорили?

— Нет. Мне сообщили, что он умер весной.

— Тогда почему заключение датировано летом?

Дарен выпрямился в кресле, за что сразу поплатился болезненной гримасой.

Я протянула лист. Он прочёл дату, перевёл взгляд на нижнюю строку.

— Это дата копии. Под ней: «с прежнего заключения».

Я приблизила бумагу к лампе. Мелкие буквы действительно были там. В раздражении я пропустила их.

— Да, — сказала я. — Вы правы. Это не доказательство подлога.

Он не воспользовался моей ошибкой. Снова опустился на подушку.

— Но вы не считаете заключение достаточным.

— Я даже не знаю, что именно осматривал мастер. Здесь не сказано. Вашу грудь? Рисунок? Закрытый сундук? Нельзя предлагать разрушение, не установив, куда уйдёт то, что он держит.

— Я думал, источник исчезнет.

Он произнёс это с такой усталостью, что я на мгновение увидела за поступком не самоуверенность, а восемь месяцев ожидания. Потом вспомнила, как он запретил мне касаться запора.

— Вы потому и не хотели, чтобы я работала с ним?

— Да.

— Чтобы я не помешала?

— Чтобы вас не оказалось рядом.

— Но я уже здесь. Вы на мне женились.

Дарен закрыл глаза. Я испугалась нового приступа и замолчала. Через несколько секунд он заговорил, не открывая их:

— Я хотел получить сундук. Мне сказали, что иначе передача невозможна. Взамен я мог обеспечить вам мастерскую и отдельную жизнь. Я не собирался требовать…

— Мне не нужно перечисление того, чего вы не собирались требовать.

Он посмотрел на меня.

Я стояла с его заключением в руке. Бумага слегка смялась под пальцами; я разгладила её о стол. Злость мешала работе хуже дрожи. При дрожи можно было закрепить кисть.

— Вы знали, что моя семья что-то скрывает, — сказала я. — И решили, что мне лучше оставаться в неведении. Потому что так удобнее получить сундук.

— Я надеялся закончить всё сегодня.

— Вы бы рассказали завтра?

Он молчал.

Я положила лист обратно в папку.

— Благодарю за ответ.

Мне хотелось выйти. Подняться в свою комнату, запереть обе двери, утром потребовать карету. Отдельная жизнь, которую он обещал, могла начаться с расстояния в двадцать четыре версты.

Но сундук оставался возле камина. Под накладкой тлела нить, он дышал с усилием, а ключ от всего этого лежал в моём кармане. Я ещё не знала, могла ли уйти безопасно. И ненавидела, что этот вопрос приходилось решать после свадьбы.

— Сначала отодвинем его от жара, — сказала я.

Дарен попытался подняться.

— Не вы. Где шнур звонка?

Он указал на стену у двери.

* * *

Эльза вернулась вместе с тем самым юношей, который держал входную дверь. Он назвался Степаном. Я попросила его принести два сухих бруска и широкую доску. Сундук нужно было передвинуть, не наклоняя; свежеповреждённая нить могла держаться только за край.

— Зачем доска? — спросил он.

— Поставим под ножки. Пол мокрый. Потом перенесём вместе с доской, если понадобится.

Он кивнул и ушёл. Эльза посмотрела на Дарена.

— Вы останетесь сидеть?

— По-видимому.

— Хорошо. Мне уже не хватит людей ещё и вас поднимать.

Он едва усмехнулся. Я поняла, что управляющая позволяла себе такой тон давно, и почему-то ощутила себя лишней. Они знали, как звучит его боль, где стоит лекарство, когда можно пошутить. Я знала стоимость собственного брака и рисунок замка.

Степан принёс доску. Втроём мы приподняли один край сундука, затем другой. Дерево было холодным. Я встала возле запора и смотрела только на тёмную щель: ни дыма, ни движения нити. Сундук передвинули к противоположной стене, подальше от огня. До кресла Дарена осталось больше двух шагов.

Степан собрал мокрую парусину и спросил, нужен ли ещё.

— Нет, спасибо, — сказала я.

Он посмотрел на Эльзу. Та отпустила его кивком. Я не обиделась: жалованье ему платила она, а меня он знал меньше часа.

— Теперь наверх? — спросила управляющая Дарена.

— Пока нет.

Она хотела возразить, но он поднял ладонь.

— Я не буду вставать. Нужно посмотреть запор.

— Я посмотрю, — сказала я. — Без него.

— Я должен видеть, что вы делаете.

— Почему?

— Потому что это отзывается на мне.

В первый раз за вечер его возражение было таким, с которым я могла согласиться без внутреннего сопротивления.

— Хорошо. Но никаких приказов продолжать, если я скажу, что не понимаю результата.

— Согласен.

Эльза спросила, что принести. Я объяснила, где в моём ящике лежит плоская коробка, попросила также лупу, белую бумагу, миску без воды и вторую лампу. Управляющая выслушала, повторила про пустую миску и ушла.

Дарен смотрел на меня с явным усилием.

— Вы можете отказаться.

— Я ещё не согласилась ни на что, кроме осмотра.

— Я об осмотре.

— Могу. Поэтому мне и нужно знать, с чем я имею дело.

Я не хотела, чтобы он принял любопытство и профессиональную привычку за прощение. В то же время не могла игнорировать то, что он сейчас спросил, а прежде приказал. Это было слишком мало, чтобы успокоиться, но достаточно, чтобы перестать повышать голос.

Эльза принесла вещи на подносе. Я расстелила белую бумагу перед сундуком, поставила лампу сбоку и села на низкую скамеечку. Свет прошёл по железу. Ломаный лепесток отбрасывал две тени: одну от накладки, другую от тонкого края ткани под нею.

В коробке лежали две тупые костяные иглы, стеклянная палочка и моточек неокрашенного шёлка. Для начала хватит. Я открыла лупу.

— Что вы видите? — спросил Дарен.

— Новый стежок под старым гвоздём. И след от прежней нити, но это может быть обычная починка.

— Вы говорили о ней у поверенного.

— Тогда я видела только конец. Сейчас лампа ниже.

Я подвела стеклянную палочку к щели и слегка отклонила свободную нитку. Она не двигалась. Пришлось убрать палочку: тянуть было нельзя.

— Внутри есть ткань, натянутая на запор. Она не просто обкладка.

— Вы можете открыть?

Я коснулась ключа в кармане и покачала головой.

— Сначала нужно понять, что замыкает поворот. Ключ может открыть крышку, а может включить следующий участок. У меня нет схемы.

— У Сорна была.

— Наружный рисунок — не схема.

Дарен замолчал. Я почувствовала неприятное удовлетворение и тут же устыдилась: он уже понял, что его знание было недостаточным. Повторять это при каждом вопросе было проще, чем разобраться.

Снизу, под испорченным лепестком, обнаружились три тонкие борозды. Две забились тёмной пылью, третья была чистой. Я зарисовала их, добавила место нагрева и свежую нить. Затем попросила Дарена, если он может, показать знак ещё раз.

Он посмотрел на Эльзу. Управляющая стояла у окна, сложив руки.

— Я отвернусь, — сказала она.

— Не нужно, — ответил он после паузы.

Расстегнул верхние пуговицы рубашки левой рукой. Движения стали медленнее. Я придвинула лампу на столик, не подходя вплотную.

На коже три борозды выглядели тремя тонкими линиями. Одна уходила вниз, две вбок. Нижний лепесток был темнее прочих, у самой черты проступала краснота. Я показала ему свой рисунок.

— Здесь совпадает. Здесь тоже. Видите, нижняя линия не замкнута?

Он опустил голову.

— Раньше её не было.

— Когда вы смотрели последний раз?

— Сегодня утром.

Я записала: «Нижняя линия появилась после утра, со слов Д. Р.» Не «после свадьбы»: мы пока не могли отделить действие церемонии от нагретого замка.

— Мне нужен будет тот, кто видел знак до сегодняшнего дня, — сказала я. — Или рисунок.

— У лекаря есть зарисовки, — отозвалась Эльза.

Я поблагодарила её. Это была первая хорошая новость после того, как погасла лампа на лестнице.

Дарен застегнул рубашку не до конца. Я вернулась к сундуку и долго смотрела на три борозды. Если одна была основной проводящей ветвью, две другие могли быть резервами. А могли быть просто краями старой фигуры. Моего знания хватало, чтобы сформулировать вопрос; ответа оно не давало.

Я отмерила три ладони шёлка.

— Можно сделать сухую пробу на наружной ветви, — сказала я. — Не открывая замок и не прокалывая ткань. Увидим, есть ли отклик на соседней линии. Но если вам станет хуже, прекращаем сразу.

— Насколько хуже?

Я посмотрела на него. Он задал правильный вопрос, а у меня не было удобного ответа.

— Не знаю. На бытовом носителе это безопасная проба. На таком я не работала.

— Тогда не делайте, — сказала Эльза.

Я положила шёлк на бумагу.

Она подошла ближе.

— Простите, госпожа Ровель. Вы только что подняли его с пола. Я не хочу поднимать второй раз ради того, что можно выяснить утром.

Мне не понравилось ни обращение, ни её правота. Я заставила себя выслушать до конца.

Дарен тихо сказал:

— До утра я могу снова попытаться сделать какую-нибудь глупость.

— Стержень у меня, — ответила Эльза.

— Я умею находить новые.

Она не улыбнулась.

Я закрыла коробку.

— Осмотр закончен. Пробу отложим, пока не будет ещё одного мастера или хотя бы лекаря рядом. Сейчас вы устали, я злюсь. Это плохое сочетание для работы.

Дарен откинулся на подушку. Некоторое время мы все молчали.

Потом он спросил:

— А если отклик есть без пробы?

Я не поняла.

Он указал на мою руку.

На запястье, чуть выше манжеты, проступили две красные точки. Между ними кожа белела тонкой полосой. Я потерла её пальцем. Полоса не исчезла.

Эльза принесла лампу ближе.

— Вы обожглись?

— Нет.

И только тогда я почувствовала, что ключ в кармане опять тёплый.

* * *

Я выложила ключ на белую бумагу.

Металл не светился и не двигался. Он выглядел совершенно обычным: старым, потёртым, с плохо очищенной выемкой возле бородки. Я смотрела на него и с трудом удерживала руки на коленях.

До этого момента угрозу можно было мысленно отделить от себя. Больной мужчина, чужой сундук, чужое заключение. Теперь на моём запястье оставался след, а имя под описью было моим.

— Когда вы почувствовали тепло? — спросил Дарен.

— Ещё в палате. Когда приняла ключ. Потом прошло.

Он очень медленно выпрямился.

— Почему не сказали?

Я посмотрела на него, и вопрос умер прежде, чем он успел добавить что-нибудь ещё.

— Простите, — сказал он. — Вы не знали, что это важно.

Я взяла стеклянную палочку и подвинула ключ дальше от края, чтобы случайно не задеть его рукавом. Если след появился от переносимого металла, нужно было убрать контакт и подождать. Если нет — тем более не хвататься снова.

Красная полоса не расширялась. Боли почти не было, только странная чувствительность, как на месте ещё не появившегося синяка.

Эльза подошла к двери.

— Я велю послать второго человека.

— Не через нижний мост, — сказал Дарен. — Степан знает верхнюю тропу. Пусть доходит до мельницы, дальше с Ивеном.

Она ушла, оставив дверь открытой. Я слышала, как она зовёт юношу по имени, как повторяет дорогу и просит взять два фонаря. Это были человеческие голоса, понятные распоряжения, мир за пределами комнаты ещё существовал.

— Лиана.

Я подняла голову.

— Не касайтесь больше ключа, — сказал Дарен.

— Я не собираюсь.

— Я найду способ…

— Не обещайте сейчас способа.

Он замолчал.

На нижней ветви запора что-то тихо щёлкнуло. Я увидела, как из щели выступила капля тёмной смолы. Дарен вцепился в подлокотник, а у меня под манжетой кольнуло.

Мы оба смотрели на сундук.

— Приступ? — спросила я.

— Пока нет.

Но голос у него стал тоньше. Я придвинулась к накладке, не касаясь её. Капля смолы не стекала, держалась в месте нагрева. Из-под неё вытягивалась потемневшая нитка, едва заметно, как если бы внутри ослабили натяжение.

Мне вдруг вспомнился мешок пекарши. Не рисунок, не материал — последовательность. Повреждённый рабочий участок. Нагрузка, ищущая продолжение.

— Вы нагрели нижний лепесток, — сказала я.

— Да.

— А знак прежде болел там?

— Выше.

— Сейчас?

Он показал на нижнюю часть груди.

У меня не было права назвать это установленным правилом. Но ждать следующего щелчка, ничего не делая, тоже было решением, только без видимой работы.

Я достала шёлк.

— Повреждённая ветвь продолжает расходиться. Я могу подвести свободный шёлк к наружному контакту, чтобы он принял первый отклик. Это временная опора. Не снятие чар. Если нить потемнеет, уберу её с внешнего контакта, не трогая внутреннюю.

Дарен смотрел на мои руки.

— Что будет с вами?

— Не знаю, связан ли след на руке с ключом или со всем носителем. Поэтому держать будете не вы и не я. Закрепим шёлк на костяной игле в сухой миске. Косну я только стеклом. Если знак на руке начнёт меняться, отведу палочку.

— Вы ведь только что решили ждать.

— Тогда нить не распускалась сама.

Я хотела, чтобы он понял разницу, а не просто уступил человеку, который говорит увереннее.

— Сейчас мы видим изменение после нагрева, — продолжила я. — Ждать тоже опасно. Но я могу ошибаться в том, что поможет.

Дарен закрыл глаза на один вдох. Потом сказал:

— Сделайте. Я скажу сразу, если станет хуже.

— Не терпите для удобства.

— Скажу.

Вернулась Эльза. Я объяснила, что изменилось, и попросила следить за моей рукой. Она выслушала, проверила, не слишком ли близко я сижу, и поставила лампу так, чтобы видеть нас обоих.

Шёлк лежал в миске свободной петлёй. Я закрепила его на двух костяных иглах, чтобы он не упал на пол и не коснулся моей одежды. Стеклянной палочкой приподняла свободный конец и подвела к чистой борозде.

Ничего не произошло.

Я досчитала до пяти. На шестой доле шёлк у контакта пожелтел.

— Рука? — спросила я.

— Без перемены, — ответила Эльза.

— Дарен?

Он не ответил, и я сразу отвела палочку.

— Подождите, — выдохнул он. — Стало легче.

Я не вернула контакт.

— Сначала скажите полностью. Где легче?

— Здесь. Могу вдохнуть.

Он сделал медленный вдох. На этот раз воздух прошёл глубже, без обрыва. Потом ещё один.

Я посмотрела на шёлк. Он потемнел на длину ногтя, дальше оставался светлым. В миске было сухо. Капля смолы на запоре перестала двигаться.

— Это ещё не означает, что можно продолжать, — сказала я скорее себе, чем ему.

Эльза присела рядом. У неё хрустнуло колено.

— Что нужно проверить?

Я была благодарна за вопрос. Он позволял думать шагами, а не сразу обо всём.

— Не возвращается ли боль после размыкания. Не растёт ли след. И остывает ли свободный конец.

Мы ждали.

Дарен смотрел на часы над камином. Я на шёлк. Эльза на моё запястье. За дверью послышался голос Степана: он сообщил, что идёт, и попросил оставить незапертой кухонную дверь. Управляющая ответила, не отрывая глаз от моей руки.

Минуты растянулись. Я чувствовала каждую неловкую складку платья под коленями, тяжесть волос на затылке, собственный голод, хотя недавно ела. Хотелось, чтобы хоть кто-нибудь сказал, что всё будет хорошо. Я бы ему не поверила, но всё равно хотелось.

— След бледнеет, — сказала Эльза.

Я посмотрела. Красные точки стали меньше. Белая полоса исчезла.

Дарен провёл пальцем под воротом.

— Боль не вернулась.

Я осторожно коснулась стеклом середины шёлковой петли, затем поднесла палочку к своей щеке. Тёплая, но не горячая. Насыщенный участок нужно было оставить отдельно; вторично использовать его я не собиралась.

— Пока всё, — сказала я.

Слова дались с трудом. Мне хотелось повторить, проверить соседнюю борозду, выяснить, почему отклик ушёл именно сюда. И ещё сильнее хотелось доказать, что я могу помочь. Я убрала руки с коленей и положила их на стол, подальше от инструмента.

Дарен заметил это. Ничего не сказал.

Эльза принесла чистое блюдце. Я переложила на него использованную петлю вместе с иглами, накрыла перевёрнутой миской и написала на бумаге, что нить нагружена, касаться и повторно применять нельзя. Записала время по часам над камином. Не знала, сколько сохранится облегчение; так и отметила.

Я не открыла сундук. Не выяснила, что внутри, кто виноват и почему на моей руке появились следы. Но теперь у нас было одно наблюдение, полученное не со слов Сорна.

Когда попыталась встать, затекла нога. Эльза подхватила меня за локоть. Я едва не ответила привычное «сама», но перед глазами на мгновение потемнело, и я позволила ей поддержать меня.

— Сядьте нормально, — сказала она. — Оба.

* * *

К полуночи в кабинете стало холодно. Огонь догорал; добавлять дров рядом с сундуком мы не хотели, хотя теперь между ними лежала вся ширина комнаты. Эльза принесла два пледа и горячую воду. Дарен попросил хлеба. Я неожиданно поняла, что тоже хочу есть.

Мы сидели по разные стороны стола. Сундук оставался у стены, использованный шёлк — под миской, ключ — на отдельном листе. Ничего нельзя было незаметно принять за обычную вещь.

Дарен сам налил воду в мою чашку. Чай заварить забыли. Я отпила и лишь потом заметила.

— Вода, — сказала я.

— Да.

— Я думала, чай.

Он посмотрел на пустой чайник, который Эльза поставила возле подноса, и на мгновение лицо его изменилось. В нём появилась растерянность, совершенно не похожая на привычную сдержанность.

— Я тоже.

Я тихо засмеялась. Ненадолго; бок тут же отозвался болью. Но от этого стало легче сидеть за одним столом.

Дарен заметил, как я прижала ладонь к рёбрам.

— Вы ударились?

— О кресло.

— Когда я…

— Да. Дышать могу, рукой двигать тоже. Завтра будет синяк.

Он отодвинул чашку.

— Простите.

— За кресло не нужно. За остальное нужно, но не сейчас одной фразой.

— Понимаю.

Я не была уверена, что понимает. Зато не хотелось тратить последние силы на проверку каждого его слова.

Эльза вернулась с заваркой, словно решила, что двое взрослых людей не справятся без надзора даже с горячей водой. Может быть, она была права. Поставила на стол немного холодного мяса и ушла проверить кухонную дверь.

Я развернула чистый лист.

— Что вы делаете? — спросил Дарен.

— Записываю, о чём нам надо договориться до утра.

Он помолчал.

— Это необходимо письменно?

Я подняла голову.

— Вы обещали не открывать сундук без меня. И не открыли. Вместо этого начали его жечь. Мне нужны более точные слова.

Он принял удар без возражения.

— Пишите.

Я записала, что носитель не нагревают, не смачивают, не режут, не передвигают без предварительного обсуждения. Ключ лежит отдельно. Любой осмотр проводится при уведомлении другого. Ни один из нас не обязан соглашаться на опыт лишь потому, что второй считает его полезным.

Дарен прочёл через стол.

— «Не передвигают» оставьте с исключением для пожара.

Я зачеркнула конец строки и дописала: «Кроме непосредственной внешней угрозы; после перемещения немедленно сообщить».

— Так?

— Да. И если я не могу говорить, вы не обязаны ждать моего согласия, чтобы прекратить опыт.

— Прекратить могу в любом случае. Начать новый без вас — нет.

Он кивнул.

Мы добавили это отдельно. Я не называла лист договором: магической силы у него не было. Только слова двух людей и память о том, почему их пришлось записать.

— Следующее, — сказала я. — Всё, что вы получили о сундуке и болезни. Не только заключение Сорна. Письма, рисунки, отказы мастеров.

Дарен опустил глаза на край листа.

— Я соберу утром.

— Я буду смотреть вместе с вами.

— Хорошо.

Я не знала, какие бумаги он вспомнил в эту паузу. Отметила её про себя, но спросить так, чтобы получить содержательный ответ, сейчас не умела. Усталость делала всякий вопрос похожим на обвинение.

— И мне нужна Нора Кель.

— Кто это?

— Моя наставница. Она живёт за Мереном, у северной заставы. Нужно отправить письмо утром. Не приказ приехать. Письмо с описанием и оплатой дороги.

— Напишите. Я дам посыльного.

— И поверенный. Он должен увидеть след на моей руке и проверить, что именно мы приняли.

Дарен посмотрел на запястье. Теперь там оставались только две слабые точки.

— Вы хотите оспорить брак?

Я отложила перо.

— Я хочу знать, могу ли уйти, не повредив себе и людям в доме. А потом решать, оспаривать ли брак.

Он долго молчал. За окном ветер тронул неплотно закрытую ставню, и мне пришлось заставить себя не вздрогнуть.

— Карета будет в вашем распоряжении, — сказал он наконец. — Но сначала выясним, что происходит со следом. Я не знаю, поможет ли отъезд.

— Я тоже.

Впервые это одинаковое незнание прозвучало между нами без попытки одного прикрыть его властью.

Я подписала лист. Дарен взял перо левой рукой и подписал ниже. Почерк у него был наклонный, тесный, с короткими окончаниями. Три верхние строки он перечитал ещё раз, прежде чем вернуть перо.

— Вы останетесь до приезда мастерицы?

— До первой совместной диагностики. Если не будет новой опасности, о которой вы умолчите.

— Я согласен.

— Это не обещание вылечить вас.

— Я понял.

Я свернула лист не сразу. Рядом с его именем было свободное место. Туда можно было дописать ещё десяток условий: не заходить без стука, не читать писем, не считать заплаченную сумму доводом. Большая часть уже была в брачном договоре или в обычных правилах приличия. Никакой лист не заставит человека придерживаться смысла, если он ищет только способ исполнить букву.

Я оставила свободное место пустым.

Эльза вошла с известием, что Степан добрался до мельницы: оттуда прислали мальчишку с верхней дороги. Ивен отправил за лекарем человека, сам останется у шлюза до утра. Подъём воды не позволял ему уехать.

Дарен сразу спросил про нижнюю решётку. Эльза передала ответ: решётка держит, но двоих работников надо сменить к рассвету. Он назвал людей, затем остановился.

— Нет. Борис после ночи в дороге. Пусть решает Ивен, он знает, кто отдыхал.

Управляющая кивнула. Я посмотрела на Дарена внимательнее. Он был способен передумать, когда речь шла о чужой усталости. Значит, его потребность всё решать самому не являлась неизбежным свойством крови Ровелей. Просто со мной он ещё не привык останавливаться вовремя.

— Можно теперь наверх? — спросила Эльза.

Это относилось к нему. Он согласился.

Я собрала инструменты, кроме двух игл под миской. Ключ завернула в сухую бумагу и положила в пустую жестяную коробку, не касаясь металла. Дарен следил, но не вмешивался. Коробку оставили в кабинете на высокой полке. Дверь Эльза должна была запереть, ключ от комнаты взять себе. Утром мы придём вместе.

— Никого сюда не пускать? — уточнила она.

— Без нас троих, — сказала я и посмотрела на Дарена.

— Без нас троих, — повторил он.

Управляющая убрала лекарство. Я забрала рисунок знака и запись о пробе. Нагруженная нить осталась под миской с предупреждением: переносить её через дом среди обычного белья я не хотела.

Дарен встал. На этот раз удержался. Я поднялась следом, но он чуть отступил.

— Я могу идти.

— Вижу.

Мы оба поняли, что следующая моя фраза могла стать таким же приказом, какие он отдавал весь вечер. Я проглотила её.

— С какой стороны удобнее, если понадобится помощь?

Он посмотрел на меня. Потом на лестницу за дверью.

— Справа. Левой держусь за перила.

Я пошла справа. Эльза несла лампу впереди.

На середине лестницы он остановился отдохнуть. Никто не сделал вид, что любуется картиной над площадкой. Мы просто постояли, пока он снова не смог идти.

* * *

В малой гостиной Эльза велела мне подождать, а сама проводила Дарена в спальню. Я поставила коробку с инструментами на стол. Через приоткрытую дверь было слышно, как управляющая спрашивает, достаточно ли подушек, и как он раздражённо отвечает, что достаточно. Потом попросил ещё одну.

Я отошла к окну, чтобы не улыбаться при нём.

На стекле отражалась женщина в помятом сером платье. Волосы выбились из косы. На пальце осталось чернильное пятно, у запястья — две точки. Всё это выглядело обыденно, и оттого я вдруг испугалась сильнее, чем в кабинете. Опасность не обязана была менять человеку лицо. Можно было всю жизнь ходить с двумя незаметными точками, пока кто-нибудь другой называл их выгодными условиями.

Я потянула рукав вниз, потом снова подняла. Скрывать след от самой себя было бессмысленно.

Эльза вышла и прикрыла дверь.

— Я побуду в соседней комнате до лекаря, — сказала она. — Вы ложитесь.

— Вам с пяти утра работать.

— Уже нет. Утром меня сменят.

— Я могу…

Она посмотрела на меня устало, без строгости.

— Вы можете утром вспомнить всё, что сделали с ниткой. Если сейчас не поспите, будет труднее.

Я кивнула. Управляющая пошла к служебной лестнице за своей шалью.

Из спальни позвали:

— Лиана.

Я остановилась возле двери.

— Войдите, если можете.

Он лежал поверх одеяла в застёгнутой рубашке. Лампу поставили на тумбочку со стороны левой руки. На другой лежали карманные часы и тонкая книга, заложенная клочком бумаги. Я не стала читать название, хотя любопытство возникло сразу и было неожиданно приятно после всего остального.

Дарен указал на мою правую кисть.

— Вы всё время её сжимаете. Там больно?

— На запястье почти нет.

— Я о пальцах.

Я разжала руку. От долгого удерживания стеклянной палочки указательный и средний палец свело. Дома в таких случаях я грела их о чашку, а потом всё равно принималась за работу раньше, чем следовало.

— Пройдёт.

Он подвинул к краю тумбочки чистую чашку с тёплой водой.

— Здесь ещё тёплая. Если хотите.

Я взяла чашку обеими руками. Ничего не сказала сразу. Простая вещь почему-то требовала большего усилия, чем остановить его у раскалённого запора.

— Благодарю.

Дарен кивнул. Под глазами у него лежали тени; я видела, как он борется со сном, потому что ещё не закончил разговор.

— Завтра Терен получит моё распоряжение, — сказал он. — Расписка о мастерской остаётся действительной, что бы вы ни решили.

— Она и так действительна.

— Знаю. Хочу, чтобы он подтвердил вам отдельно. Без меня.

Я посмотрела на него поверх чашки.

Это не отменяло того, что он сделал. Но отдельное подтверждение лишало его одного удобного способа на меня давить. Он предлагал действие, которое можно было проверить.

— Хорошо, — сказала я.

Он закрыл глаза, потом открыл снова.

— И я не стану трогать сундук.

— Эльза всё равно не даст вам ключ.

На этот раз он улыбнулся по-настоящему, хотя усталость почти сразу погасила улыбку.

— Не даст.

Я оставила чашку себе и ушла в свою комнату. Заперла дверь в коридор, потом дверь в малую гостиную. Проверила обе ручки. Это не было наказанием ему; мне требовалось место, где никто не войдёт, пока я сплю.

Перед сном написала Норе. Не стала начинать с просьбы спасти моего мужа. Описала наружный узор, нагрев, три ветви, реакцию шёлка и след на запястье. Отдельно призналась, что не знаю, имеет ли право этот носитель на живого человека. Нора не любила, когда незнание прятали за красивыми словами.

Внизу дописала: «Мне нужна ваша помощь. Дорога и работа будут оплачены. Решение об опытах останется за вами».

Эту последнюю фразу я сначала хотела вычеркнуть. Было страшно, что она воспользуется правом отказаться. Потом оставила.

Рядом положила записку Терену с просьбой приехать и привезти копию принятой описи. Сорну писать не стала. Ему я пока не могла задать вопрос так, чтобы не сообщить вместе с ним всё, что мы обнаружили.

Лампа чадила. Я убавила фитиль и посмотрела на рисунок птицы, прислонённый к ящику. Вера завернула его в лист старой ведомости; из-под крыла торчало слово «остаток».

Я осторожно вынула рисунок, разгладила угол и поставила на подоконник. Утром здесь будет светло. Можно будет разложить бумаги и начать с того, что действительно известно.

К сундуку я больше не спустилась.

Ночью, прежде чем уснуть, услышала шаги за дверью и приглушённый голос лекаря. Он приехал. Я лежала, глядя в темноту, и впервые за этот день позволила кому-то другому заняться тем, что умел он.

Глава 3. Ключи от дома

Утром я не сразу поняла, почему нельзя повернуться на правый бок.

Боль остановила меня на полудвижении. Я открыла глаза, увидела незнакомую спинку стула и вспомнила кресло в кабинете. Следом всё остальное: раскалённый стержень, знак, собственную подпись под описью.

В комнате было холодно. За окном лежал светлый туман, скрывавший дальнюю часть сада; на подоконнике моя нарисованная птица упиралась клювом в стекло. Я села, закутавшись в одеяло, и осмотрела запястье. Две точки ещё различались. Ни боли, ни жара.

Кто-то осторожно постучал в дверь из коридора.

— Я проснулась, — сказала я.

— Тогда откройте. У меня поднос.

Голос принадлежал Эльзе.

Она вошла с завтраком и небольшой запиской. Поставила поднос на стол, посмотрела на погасший камин и сдвинула брови.

— Не хватило дров?

— Я уснула раньше, чем подумала о них.

— Вечером покажу, как заслонка ходит. Здесь иначе, чем внизу.

Я поблагодарила и спросила о Дарене.

— Спал до шести. Лекарь уехал час назад. Велел лежать, есть понемногу и не греть сундуки.

Последнее она произнесла без особого выражения. Я взяла записку. На ней было указано, что нового приступа ночью не случилось, пульс по сравнению с предыдущим вечером ровнее, причина облегчения не установлена. Внизу — подпись и просьба не повторять капли чаще назначенного.

— Он знает о шёлке?

— Я рассказала. Господин Ровель тоже. Лекарь просил оставить вашу запись.

— Возьмите. Только я сначала сниму копию.

Эльза кивнула, но не ушла. Я поняла, что она чего-то ждёт.

— Что ещё?

— В девять в Мерен идёт верховой. Вы хотели отправить письма.

Я показала на стол.

— Здесь два. Норе Кель и Терену Валю. Надо вписать оплату дороги. Я не знаю, сколько у вас берут за посыльного.

— Этот едет за мукой. Письма довезёт без отдельной платы. Мастерица, если согласится, сможет приехать завтра с утренней повозкой из города. Сегодня уже поздно отправлять за ней экипаж: пока наш доедет, пока разыщет…

— Завтра достаточно. Лучше не торопить её на ночную дорогу.

Мне хотелось сказать совсем другое. Хотелось, чтобы Нора вошла прямо сейчас, сухо заметила, что я опять держу палочку слишком близко к концу, и взяла непонятный предмет в свои знакомые руки. Но между Ольховым Долом и её домом были двадцать четыре версты, а просьба ещё лежала незапечатанной.

— Как подписать? — спросила Эльза, беря конверты.

— Они подписаны.

— Здесь «Лиана Верес».

— Так Нора меня знает.

Управляющая посмотрела на меня, затем на письмо.

— Хорошо. Я скажу посыльному.

Она не стала выяснять, намерена ли я отказаться от новой фамилии. Я сама ещё этого не знала. Под ремесленными актами оставалось имя, под которым меня учили и принимали работу. Для одного утра этого было достаточно.

— Вы будете завтракать с господином? — спросила Эльза.

Я посмотрела на поднос: каша, яблоко, хлеб, чай. На этот раз настоящий.

— Он может встать?

— В малую гостиную. Лекарь разрешил. Вниз пока нет.

— Тогда отнесём туда.

Я стала поднимать поднос и тут же вспомнила о боку. Эльза молча забрала его. Это было неприятно, но спорить из-за каши после ночного разговора о праве на помощь казалось глупым.

Дарен сидел у окна малой гостиной. На коленях лежало одеяло; рядом на столике — стопка бумаг, которую явно принесли вопреки совету лекаря. Он поднял голову, когда я вошла, и сделал движение встать.

— Сидите, — сказала я. Потом поправилась: — Пожалуйста. Я не успею поймать вас второй раз.

— Я хотел подвинуть стул.

— Стул я справлюсь.

Он отпустил подлокотник. Я села напротив, Эльза поставила завтрак и ушла за второй чашкой.

Некоторое время мы ели. Дарен медленно разламывал хлеб, не глядя на бумаги. Я старалась не следить, сколько он проглотил; мне самой хватало людей, которым было известно, как я должна завтракать, одеваться и отвечать на предложение брака.

— Здесь рисунок лекаря, — сказал он наконец.

Сверху лежал лист с контуром человеческой груди. Рисунок был неумелым, зато знак выполнен тщательно. Я подвинула к нему ночную зарисовку.

На старом листе нижней линии действительно не было.

— Когда это сделано?

— Десять дней назад. Он подтвердил, что с тех пор при осмотрах новой линии не видел.

— Вчера утром осматривал?

— Нет. Вчера утром видел только я.

Я отметила это на своей копии. Дарен следил за пером.

— Вы мне не верите?

— Я отмечаю, кто что видел. Если рисунок сделан десять дней назад, он доказывает состояние десять дней назад. Ваши слова — состояние вчера утром. Это разные источники.

Он помолчал и подвинул лист ближе.

— Тогда подпишу.

— Достаточно, что вы сказали. Подпись пригодится поверенному, если он сочтёт нужным.

Мне не хотелось превращать каждое его слово в судебное показание. Но прежнее доверие, если оно успело зародиться за половиной пирога, ночью закончилось. Новое требовало времени, и я не умела назначить ему более короткий срок.

Дарен раскрыл папку.

— Здесь переписка о болезни. Два отказа, заключение, счета лекаря, рисунок из отцовских бумаг. Другие семейные документы хранятся внизу, в архиве. Когда придёт Терен, откроем при нём.

Я приняла папку. Было тяжело не проверить сразу, насколько она полна. Но по толщине бумаги честность не определишь.

— Вы обещали посмотреть вместе.

— После завтрака. Если не возражаете, сначала расскажу Эльзе, какие распоряжения можно отложить.

Он говорил так, будто просил у меня освобождения от работы. Я положила папку на соседний стул.

— Вам не нужно моё разрешение на хозяйство.

— После вчерашнего мне не хотелось опять оставлять вас ждать без объяснения.

Я не нашла, к чему придраться. И заметила, что ищу.

Эльза вернулась. Разговор занял меньше четверти часа: мост, мука, две смены у решётки, деньги на железные скобы. Дарен несколько раз спрашивал, кто это проверил. Управляющая отвечала именами, временем, количеством. Когда речь дошла до зимнего белья, она посмотрела на меня.

— Госпоже нужна рабочая комната. Восточная швейная подойдёт, но сейчас там запасные одеяла.

— Перенесите в северную кладовую, — сказал Дарен.

— Там сырость у наружной стены. Я поэтому их и убрала.

Он потёр переносицу.

— Да. Забыл.

— Мне не нужна вся комната, — сказала я. — Стол у окна и место для сухих образцов. Одеяла могут остаться.

Эльза покачала головой.

— Если вы будете резать или греть зачарованное, не могут. Ночью вы сами велели держать использованную нить отдельно.

Возразить было нечем. Я доела кашу и попросила сначала показать помещение.

Дарен взял с соседнего столика небольшой ключ.

— Это от письменного шкафа. Там чистая бумага, конверты, сургуч. Возьмите сколько нужно.

— Я запишу расход.

— Не обязательно каждую страницу.

— Мне обязательно. Иначе к концу недели я не буду знать, что принадлежит работе, а что дому.

Он протянул ключ без новых объяснений.

* * *

Швейная оказалась длинной узкой комнатой, разделённой высоким шкафом. Возле двух окон стоял хороший стол с широкими досками; одну доску покоробило, но середина оставалась ровной. На столе лежали одеяла, разложенные по цвету нашивок. Под ним — ящики со свечами и мешок чистой ветоши.

— Это не мусор, — сразу сказала Эльза, заметив мой взгляд. — На обтирку ламп и полировку. За него тоже платили.

— Я смотрю, не отсырело ли снизу.

— Нет. Здесь тепло держится дольше.

В комнате действительно было теплее, чем в коридоре. Печи я не увидела. Слева от шкафа висела узкая вышитая полоса, уходившая за деревянную планку. Я приняла её за край занавеси, пока не заметила, что ниже ткань переходит на стену.

— Прогревная? — спросила я.

— Старый домовой шов. Греет бельевую нишу и эту стену. В комнатах наверху такие тоже были, но большинство давно не работает.

Я подошла ближе. На светлой основе шли красноватые поперечные стежки, грубые, прочные. Под ними, у самого края, темнела крошечная розетка.

Восемь лепестков.

Я остановилась прежде, чем прикоснуться.

— Здесь работали недавно?

— В прошлом году чинили крепление. Сам шов не трогали. Что?

— Пока не знаю.

Эльза проследила мой взгляд.

— Он опасен?

Я заставила себя отойти на шаг. Восемь лепестков встречались на десятках родовых тканей. После одной бессонной ночи легко было увидеть сундук в каждом узоре.

— Я не могу сказать по рисунку. Нужны свет и сравнение. Не будем пока использовать эту комнату для опытов.

— Мы её даже не освободили.

— Тем лучше.

У двери кто-то кашлянул. Молодая девушка держала в руках стопку наволочек. Невысокая, с обветренными щеками и заколотой крест-накрест косой. Она смотрела на нас так, словно решала, куда девать бельё, если новая хозяйка уже заняла проход.

— Ставь пока на скамью, Марта, — сказала Эльза. — Потом занесём.

Девушка не поставила.

— Это сухие. Там скамья мокрая, на ней сапоги чистили.

Эльза вздохнула и отодвинула одеяла на столе. Марта уложила наволочки на освободившееся место, разгладила верхнюю ладонью.

— Вы здесь работаете? — спросила я.

— По белью, госпожа.

— Давно?

— Третий год.

Она смотрела прямо, но отвечала осторожно. Я подумала, что в девятнадцать лет тоже считала любой хозяйский вопрос началом нового поручения. Нередко так оно и было.

— Мне понадобится помощь с описью тканей. Только записать клейма, размеры и место. Вы умеете писать?

Марта кивнула.

— После белья смогу.

— Сколько у вас осталось белья?

— До вечера.

Эльза скрестила руки.

— Завтра тоже останется до вечера, если добавить ещё одну работу.

Я почувствовала знакомое раздражение: каждую простую просьбу здесь встречали препятствием. Затем посмотрела на стопку наволочек. Верхняя была заштопана тремя разными нитками. Кто-то сидел над ней вчера, пока я ехала под пледом и думала о будущей мастерской.

— Тогда не после, — сказала я. — Вместо части работы. И отдельно оплачено.

Марта быстро посмотрела на управляющую. Та не сказала ничего.

— На два часа сегодня, — продолжила я. — Шесть долей за помощь. Если вам подходит.

— Мне надо в воскресенье к брату, — вдруг сказала девушка.

— Сегодня четверг.

— Я знаю. Если я не закончу бельё, останется на воскресенье.

Её ответ был так прост, что стало стыдно за собственное недоумение.

Я повернулась к Эльзе.

— Мы можем выделить два часа, чтобы это не отняло её свободный день?

Управляющая прошла к шкафу, вынула небольшую доску с приколотым листом и просмотрела записи.

— С двух до четырёх. Тогда наволочки сегодня досчитываю я, а она утром помогает мне в кладовой. Но если вы захотите завтра снова, заранее скажите.

— Скажу.

— И шесть долей запишем в вашу работу, не в домашнее жалованье.

Я согласилась. Марта наконец улыбнулась — быстро, словно не была уверена, уместно ли радоваться оплаченной просьбе.

— Я принесу свою тетрадь.

— Для этой работы возьмём новую. В вашей, наверное, личные записи.

— Там песни, — сказала она и сразу покраснела.

— У меня тоже есть такая. Только почерк хуже, чем в счетах.

Марта посмотрела с любопытством, но я не стала расспрашивать. Ей ещё требовалось закончить бельё, а мне — научиться не занимать чужое время только потому, что разговор приятен.

Когда она ушла, Эльза вынула из-под стола ящик со свечами.

— Здесь можно поставить ваши инструменты. Сухо, от стены далеко. Но всё, что работало с сундуком, сюда не приносите.

— Договорились.

Мы освободили конец стола. Управляющая подала мне подушечку с булавками, забытую на подоконнике. Ткань выцвела; на боку белыми буквами было вышито имя «Лена».

— Чья?

— Прежней швеи. Вышла замуж, уехала в город.

— Ей можно вернуть?

Эльза посмотрела на подушечку.

— Через Осипа. Он возит товары в Мерен, знает её лавку.

Я положила вещь отдельно. Здесь жили люди до моего появления. Их недошитые наволочки, потерянные булавки и воскресные поездки не обязаны были исчезнуть, чтобы освободить место моей беде.

Розетка на стене всё ещё притягивала взгляд.

— Есть у вас список прогревных полос? — спросила я.

— Есть список комнат, где они работают. Хотите весь?

— Пока только эту и соседние. И кто знает, как их штатно выключать.

— Я знаю. По весне выключаем.

Эльза произнесла это почти с облегчением. Наконец я спросила о чём-то, где не требовались ни новые деньги, ни чужие старинные тайны.

* * *

Когда мы вернулись к Дарену, возле него стоял незнакомый мужчина в высоких сапогах. На голени засохла грязь, под мышкой он держал свёрнутый план. Мужчина замолчал при нашем появлении, но лицо не изменилось: не приветливое и не враждебное, скорее занятое неприятной работой.

— Ивен, — сказал Дарен. — Моя жена, Лиана. Лиана, мой двоюродный брат.

Ивен поклонился ровно настолько, чтобы поклон нельзя было назвать отсутствующим.

— Рад познакомиться.

Говорил он низко и чуть хрипло, как человек, которому ночью приходилось перекрикивать воду.

— Эльза сказала, вы удержали решётку, — ответила я.

— Решётку удержали двое мельников. Я доставал им цепь.

— Тогда передайте им благодарность.

— Передам. Им ещё нужно жалованье.

Дарен поднял голову.

— Ивен.

— Я не к госпоже. Я тебе уже полчаса об этом говорю.

Он развернул план на столике, отодвинув пустую чашку. На грубой бумаге были нарисованы шлюз, канал и длинная линия нового настила. По краям стояли цифры.

Я отступила, собираясь уйти, но Дарен остановил меня:

— У вас был вопрос.

— Он связан с расходами. И с домом.

Ивен коротко усмехнулся.

— У всех сегодня такой.

— Я могу зайти позже.

— Нет, — сказал Дарен. — Говорите.

Мне не понравилось, что он решает очередность за обоих, но было видно: ещё один отдельный разговор он переносил бы с тем же усилием. Я рассказала о прогревной полосе и рисунке. Подчеркнула, что сходство само по себе ничего не доказывает.

Ивен выслушал, постукивая пальцем по краю плана.

— Весь дом в розах. Герб такой.

— На запоре нижний лепесток сломан. Я хочу проверить, есть ли тот же излом на полосе.

— И для этого нужно сколько?

— Лампа, лупа и час. Не деньги. Если понадобится отключить участок, тогда сначала обсудим последствия.

Он посмотрел на Дарена.

— Участок чего?

Вопрос повис между нами. Дарен ещё не рассказывал брату о ночи; или рассказывал не всё. Я не знала границ их разговора и не собиралась угадывать.

— Что Ивен знает? — спросила я у мужа.

Ивен перестал стучать пальцем.

— Ивен стоит здесь.

— Поэтому я и спрашиваю при вас.

Дарен откинулся в кресле.

— О болезни знает. О связи с сундуком — в общих чертах. О том, что произошло ночью, ещё нет.

— Тогда расскажите вы. Потом я добавлю то, что видела.

Он рассказал. Не называя нагрев «неудачной попыткой» и не опуская того, кто принёс стержень. Ивен слушал, сначала раздражённо, затем очень неподвижно. Когда Дарен дошёл до следа на моей руке, брат посмотрел на меня.

Я отодвинула манжету. След почти исчез, но под окном ещё был заметен.

— Вы уверены, что это от сундука?

— Нет. Я знаю, что он появился во время работы рядом с ним, а при изменении запора кольнуло здесь. После сухой пробы след побледнел. Это основания проверять связь.

Ивен почесал щёку. На ней темнела полоса от ремня или плохо смытой грязи.

— Значит, он может перейти на дом?

— Мы этого не установили.

— Но думаете об этом.

— Да.

Он выругался, негромко и без выдумки. Потом извинился перед Эльзой, что меня несколько удивило. Управляющая ответила:

— Тут подходящий случай.

Дарен потянулся к плану шлюза.

— Сколько нужно сегодня?

— На цепи и смену настила восемнадцать марок. За муку мы уже должны. Через пять дней жалованье.

Я вспомнила триста шестьдесят марок в расписке. Ивен, видимо, заметил это по лицу.

— Свадебные деньги не из кассы мельницы, — сказал он. — Я проверил.

— Вы не обязаны оправдываться передо мной.

— Я и не оправдываюсь. Просто хочу, чтобы никто не думал, будто у нас ещё одна такая сумма в столе.

Дарен молчал. Я поняла, что брат сердится и на него, но при мне бережёт остаток его достоинства, как умеет: грубо, неудобно, без нежности.

— Мне понадобится материал, — сказала я. — Но сначала я составлю список того, что уже есть у меня. Не возьму домашний шёлк без записи. И не буду обещать вылечить болезнь за определённую сумму.

— Это хоть честно, — ответил Ивен.

Мне захотелось спросить, много ли нечестного он уже успел за мной заметить. Я удержалась. Он не спал всю ночь, я приехала вчера с долгом в триста шестьдесят марок, а его люди стояли по пояс возле ледяной воды. Оснований радоваться моему появлению у него пока было мало.

Дарен поднял папку с бумагами.

— Сегодня мы тратим только на мост и обычные нужды. Лиана смотрит полосу, не повреждая её. Если отключение нужно, решаем втроём с Эльзой. Ивен, ты остаёшься у мельницы. Не нужно караулить ещё и меня.

— Кто-то должен.

— После ночи я это усвоил.

Брат посмотрел на него, и выражение лица впервые изменилось. Он хотел сказать что-то ещё, но вместо этого свернул план.

— К полудню пришлю список людей. С подписью. Чтобы не оказалось, что на бумаге отдыхали все.

— Пришли.

Ивен поклонился мне уже на ходу и вышел. Эльза пошла проводить его, прихватив хозяйственные записи.

Я осталась возле стола.

— Он считает, что я приехала за деньгами.

Дарен не стал уверять, будто мне показалось.

— Я сообщил ему сумму, но не ваши условия. Это моя ошибка.

— Не надо пересказывать ему всю мою жизнь в доказательство, что я приличный человек.

— Не буду. Скажу про сохранённое жалованье работницам, если разрешите.

Я подумала и кивнула.

— Это можно. И про то, что инструменты мои.

Он посмотрел на ящик у стены и вдруг спросил:

— Сколько стоит ваша работа?

— Какая именно?

— Такая. Диагностика, записи, время.

— Две марки за день обычной реставрации. Исследование неизвестного носителя я обычно оцениваю после осмотра. Иногда не берусь вовсе.

— Составьте счёт.

Я почувствовала, как напряглись плечи.

— Я ещё ничего не исправила.

— Вы работали.

— Вы уже заплатили за мастерскую.

Он нахмурился.

— Это был платёж по брачному договору. Разве он делает всё последующее вашим долгом?

Я сама требовала разделять эти вещи. Услышать то же самое от него оказалось неожиданно трудно.

— Сначала смета, — сказала я. — Потом оплата по сделанному. Без обещания результата.

— Хорошо.

Разговор закончился проще, чем начался. Ничего не пришлось доказывать до хрипоты. Я не знала, радоваться этому или ждать, когда выяснится скрытое условие.

* * *

Для осмотра полосы я взяла только лупу, бумагу и стеклянную палочку. Сундук оставался в запертом кабинете. Дарен отдыхал наверху; Эльза обещала прийти через полчаса. Я могла работать одна: смотреть на ткань при свете не означало менять её.

Сначала зарисовала всю видимую полосу. Шириной в четыре пальца, она шла от нижнего края бельевой ниши к верху шкафа, где скрывалась под деревянной планкой. Красные стежки повторялись через равные промежутки. В каждом пятом была маленькая петля возврата — обычное решение для бытового прогрева, позволяющее остановить действие, когда ниша пуста.

Розетка располагалась отдельно, на узкой серебряной тесьме. Я не могла увидеть всю нижнюю часть: её закрывала медная скоба. Снимать скобу не следовало. Пришлось поставить лампу на пол и лечь щекой почти на доски.

Бок заболел. Я села, разозлилась на кресло, на собственную неосторожность, на весь дом с его низкими креплениями. Потом принесла со стола небольшое зеркальце, которым проверяла изнанку крупных вышивок. Через отражение стало видно то, ради чего я собиралась терпеть боль.

Нижний лепесток был целым.

Я выдохнула и записала это крупно.

Страх сделал из обыкновенной родовой розы точную копию проклятого замка. Стоило изменить угол света, и сходство перестало быть достаточным. Мне захотелось немедленно сообщить Дарену, что я ошиблась. Но осмотр ещё не был закончен.

На правом краю серебряной тесьмы лежали два стежка другого оттенка. Они были почти скрыты пылью. Я не счищала её, только подвела лампу ближе.

Два коротких стежка и один косой. Такой же косой край я зарисовала ночью под новым гвоздём. Не весь узор — малую часть, которая могла оказаться общей для десятков ремонтов.

Я положила рисунки рядом. Серебряная ветвь на полосе уходила под обычный прогревной шов и возвращалась к розетке. На сундуке я видела три борозды. Одна из них имела такой же угол, как этот возврат.

Нужна была проверка, которую можно остановить.

Эльза пришла, когда я переписывала наблюдения набело. Прочитала крупное «нижний лепесток целый» и посмотрела на меня.

— Значит, всё хорошо?

— Значит, рисунок не тот. Но есть другое сходство. Я пока не понимаю, важное ли.

Она села на освободившийся край скамьи.

— Что вы предлагаете?

— Вы говорили, по весне выключаете прогрев. Как?

Эльза показала язычок, спрятанный под верхним краем полосы. До него можно было достать, встав на низкую ступеньку.

— Сначала выносим всё бельё. Потом открываем эту петлю и ждём, пока остынет. Если оставить хотя бы простыню, она тянет тепло дальше. Так мне прежняя управляющая объясняла.

Я вспомнила мешок пекарши. Здесь использовался тот же бытовой принцип, но сама полоса была сложнее: связана с домом, с другими участками, вероятно, с общим именем владельца.

— Вы выключали её прошлой весной?

— Да.

— Ничего необычного?

— Ничего, о чём мне сообщили. Господин тогда уже болел, но мы не связывали.

— Если выключить сегодня, кому станет холоднее?

— Белью. За шкафом не спальня, кладовка для пуговиц и старых застёжек. Стену немного греет, но людей там не держат.

Я посмотрела на одеяла. Их можно было перенести в сухой шкаф в соседней комнате. Потребуется место, а затем время вернуть или перебрать. Работа была небольшой только до тех пор, пока её не надо было делать кому-то определённому.

— Я хочу попробовать штатное отключение, — сказала я. — Если Дарен согласится наблюдать за своим состоянием. Не трогая сундук. Если где-нибудь станет хуже, вы вернёте петлю как было?

— Вернуть могу. Но сначала она должна остыть. Сразу назад не закрывают.

Это меня остановило.

— Сколько ждать?

— Обычно четверть часа. Иногда больше, когда белья было много.

Я записала. Нельзя было назвать опыт немедленно обратимым, если для возврата требовалась четверть часа. Именно такие малые неточности превращали осторожное предложение в чужую боль.

— Тогда обсудим это с ним полностью, — сказала я.

Мы поднялись наверх. Дарен прочёл запись и спросил, что даст отключение.

— Если изменится внешняя линия на запоре, будет основание считать этот участок связанным с сундуком, — объяснила я. — Если не изменится, это не докажет отсутствия связи. Мы увидим только, что обычное выключение не дало заметного отклика.

Он задумался.

— Я могу сидеть в кабинете и смотреть на знак.

— Лекарь велел не спускаться до полудня, — сказала Эльза.

— Уже почти полдень.

Управляющая посмотрела на часы.

— После еды.

Дарен согласился. Я отметила это как признак разумности, а потом поймала себя на том, что оцениваю каждый его послушный ответ словно новую пробу. Он был человеком, которому тоже приходилось привыкать к чужим решениям. И я ещё не научилась сотрудничать без постоянной проверки на обман.

— Если вам не нравится риск, мы ждём Нору, — сказала я.

— Мне не нравится неизвестная связь с домом. Я согласен. Но если станет хуже, вы не будете пытаться исправить это новым опытом.

— Не буду.

Он попросил записать условие рядом с остальными.

Я записала.

* * *

В два Марта пришла со своей тетрадью, хотя я обещала дать новую.

— Здесь сзади чистые листы, — сказала она.

— Оставьте для песен. Наши записи придётся хранить отдельно.

Я вручила ей сшитые утром четыре листа. Она осторожно провела пальцем по сгибу и спросила, где писать имя.

— На первой странице. Ваше и дату. Потом: «Опись бельевой ниши».

— Фамилию тоже?

— Разумеется.

Она написала: «Марта Зель». Буквы были крупные, чуть неуверенные. Под датой аккуратно вывела заголовок. Я не исправляла, хотя одно слово сидело выше строки.

Мы втроём с Эльзой вынесли бельё. Марта считала, я проверяла клейма, управляющая указывала свободное место. Шесть одеял, восемь простыней, стопка из двенадцати наволочек. Последние были те самые, которые Марта принесла утром. Внизу ниши обнаружились два шерстяных носка и деревянная пуговица.

— Носки чьи? — спросила я.

— Степана, — сказала Марта. — Сушил после двора.

Эльза посмотрела на неё.

— А мне не сказал.

— Он собирался забрать.

— Вынеси тоже.

Я записала носки отдельно. Если бы полосу выключили по одному лишь списку белья, в нише осталось бы то, чего список не учитывал. Мелочь, из-за которой опыт дал бы другой результат.

Последним вынули деревянный лоток с запасными лентами. Под ним было сухо. Я осмотрела щели, не касаясь прогревного шва. Ниша опустела.

Дарена спустили не на руках: он шёл сам, держась за перила, а Степан сопровождал его. Юноша вернулся с ночного поручения и успел поспать; Эльза специально сказала мне об этом, прежде чем позвать его. Я поняла, что она запомнила нашу договорённость не тратить чужой отдых без необходимости.

В кабинете Дарен сел так, чтобы видеть запор. Эльза открыла дверь своим ключом и сразу убрала его в карман. Миска с образцом стояла на прежнем месте. Сундук тоже.

Я показала мужу рисунок трёх борозд.

— Смотреть сюда. Не наклоняться близко. Если заметите изменение, запишите время и позовите Марту. Она будет в коридоре между комнатами. Если боль — сразу зовите, не ждите записи.

— А вы?

— Я с Эльзой у полосы. Она открывает петлю, я наблюдаю ткань. Не буду видеть, что происходит здесь.

Он кивнул.

Мне хотелось остаться в обоих местах сразу. Сундук был важнее домашней полосы — или полоса важнее, потому что именно её сейчас меняли. Я перебирала варианты, пока не стало ясно: это та же привычка, из-за которой я отказывалась давать помощнице простой заказ, а потом сидела ночами одна.

Дарен мог смотреть на борозду. Эльза умела выключать прогрев. Марта умела передать слова. Я должна была позволить им делать свою часть.

Мы сверили часы: карманные Дарена и настенные в швейной шли с разницей меньше минуты. Для первого наблюдения этого хватало; точные доли я не собиралась выдумывать потом из памяти.

Марта встала в коридоре так, чтобы слышать обе двери. Степан остался возле лестницы на случай, если понадобится помощь. Я вернулась в швейную.

— Готовы? — спросила Эльза.

Я осмотрела пустую нишу ещё раз. Два носка лежали на скамье рядом с описью.

— Да.

Управляющая встала на ступеньку, подхватила язычок двумя пальцами и вытянула ровно настолько, чтобы петля раскрылась. В ткани раздался слабый сухой звук. Красноватые стежки потускнели не сразу: сперва у верха, затем ниже. Я следила за серебряным краем.

На нём не изменилось ничего.

Прошла минута. Я записала время. Эльза спустилась и держала ладонь возле стены, не прикасаясь.

— Остывает, — сказала она.

Из коридора послышались шаги Марты.

— Господин просит передать: правая борозда посветлела. Боли больше не стало.

Я заставила себя не броситься в кабинет.

— Передайте, пусть не трогает. Смотрит дальше. Если ещё что-то изменится — зовёт.

Марта повторила и ушла. Эльза посмотрела на меня. Мы обе понимали, что это ещё не окончательный ответ, но уже не только сходство рисунка.

Я наклонилась к серебряной тесьме. Возвратный стежок у правого края стал рыхлее: между ним и основой появилась волосная щель. Я видела это в зеркальце, которое заранее поставила на маленькую подставку. Сдвинуть его сейчас означало бы потерять прежний угол и получить ненадёжное сравнение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.